

Юлий Ким – фигура, как сейчас принято говорить, знаковая. Это голос поколения 60-х, поколения сегодняшних «отцов», с удовольствием напевавших в те годы его «Фантастику-романтику», «Кавалергардов» или «В Коктебеле». Но Ким писал и другие песни – острую политическую сатиру. Из-за чего много лет ходил по острию ножа – КГБ считал эти песни возмутительно опасными, как и песни Галича.

Вел. Москва – 2001 –
Аркадий ПЕТРОВ 24дек-с.б.

Галич умер за границей при не очень ясных обстоятельствах. А Юлий Черсанович Ким (не очень уже, наверное, хорошо знакомый новому поколению, зато весьма памятный среднему) жив, более или менее здоров и продолжает активно трудиться. Правда, пишет больше сценарии, тексты для мюзиклов либо прозу. Из спектаклей, над которыми он работал, нельзя не упомянуть «Ной и его сыновья» в Театре Станиславского – там он был автором пьесы, всех песен да еще и исполнителем главной роли... Вчера ему исполнилось 65.

– Как ваши «Губы окающие» стали «русской народной песней»?

– Была написана в 1959 году в силу лирического чувства ко вполне определенной даме. А затем, что называется, песня пошла в народ. Я ее записал в магнитофонной версии, слушателям она понравилась и разошлась по другим магнитофонам. «Губы» сначала пело мужское самодеятельное трио биофака МГУ – три доктора наук, выходявшие на сцену в кисейных платочках. Затем, через двадцать лет – в 1979 году – песня эта попала в картину Никиты Михалкова «Пять вечеров»: на экране ее пел Любшин, а за кадром – Сергей Никитин. А вскоре ее исполнил в «Кинопанораме» Игорь Скляр, объявив как русскую народную. Я потом долго рекомендовался как «Русский народ».

– На какое-то время нехороший Ким куда-то исчез, родив некоего «Ю. Михайлова» – человека, видимо, более серьезного. Напомните что-нибудь из «запрещенных песенок» 60-х годов.

– «Весенняя вода». Это, наверное, моя самая первая песня из ряда так называемых остросоциальных. Я сочинил ее в 1963 году, в марте, когда Хрущев встречался с интеллигенцией и... всячески ее топтал. Он тогда очень ругал писателя Виктора Некрасова, отсюда строчка: «Как сказал Некрасов – но не тот!» Там есть строка, которой сейчас никто не понимает: «Все кипит и пенится, как будто старый ром». Имеется в виду не напиток (ром), а режиссер Михаил Ромм, который предупреждал о грядущих заморозках в области культуры.

Среди неба ясного ударил первый гром –
Все кипит и пенится,
как будто старый ром...
Весенний шум, зеленый шум
идет себе, гудет –
Как сказал Некрасов – но не тот!

– В песнях того периода вы атакуете, как говорили шутники, «Комитет Глубокого Бурения». Не боялись, что однажды возьмут под белы руки и уведут?

– Тогда еще нет. Это уже скорее в 1968-м или чуть позже – когда стали хватать не только отдельных «одиозных» лиц типа Синявского и Даниэля, но и многих других. Тогда действительно следовало трево-

ВЫШЛА ФИГА ИЗ КАРМАНА – ТУТ ЖЕ РУХНУЛИ МОСТЫ!

Юлий КИМ:
«Когда
критиковать
стало
можно –
стимул
пропал»

житься и опасаться – и я тревожился и опасался. Но все же продолжал писать свои песенки.

Вот песня, которая считалась одной из самых крамольных. Когда я спел ее весной 1968 года (дело было в Свердловске), то просил эту песню на магнитофон не записывать. И когда я из Свердловска вернулся в Москву, всех, кто ее слушал, свердловский комитет госбезопасности пригласил к себе. Расспрашивали про эту песню. Показали текст, который они записали неведомым способом. Это монолог пьяного Брежнев.

...Мои брови жаждут крови –
подпевай, не прекословь!
Распевайте на здоровье,
пока я не хмурю бровь.
Доставай бандуру, Юра –
конфискуй у Галича! –
Где ты там, цензура-дура?
Ну-ка, спой, как давеча!

С Галичем я был знаком – но не сказать, чтобы близко. Помню наше замечательное путешествие в Петушки, где была не то бардовская конференция, не то семинар. И концерт, где мы эту «бандуру» друг у друга почти вырывали. Это был вечер сплошной крамолы. Помню, когда мы появились сре-

ди любителей бардовского творчества, Галич посмотрел налево, посмотрел направо и сказал мне своим замечательным густым баритоном: «Ну, двух стукачей я вижу!» Опытный был человек!

– С 1968 по 1976 год вы совсем не выступали в концертах.

– В конце 1968-го я был вызван на Лубянку и предупрежден по всей строгости, чтобы воздержался от выступлений на сцене. Мне было сказано, что сотрудничеству моему с кино и театром препятствовать не будут (и, должен заметить, действительно не препятствовали), и я замолчал на целых восемь лет.

В 1968 году пришлось расстаться и со школой: за подписание разных «открытых писем» меня отлучили от просвещения – я работал в 135-й и Физматшколе при МГУ, основанной академиком Колмогоровым. Она именовалась «специнтернатом»; в ней мы поставили мюзикл: три разгилья, которым надоело учиться, соорудили машину (космический корабль) и отбыли в Антимир, где все было наоборот, главными науками там были футбол, туризм и сочинение легкомысленных песенок, а также оперетт. А физика и математика были, напротив, в полном загоне. Называлось все это «Танретницепс» (слово «специнтернат», прочитанное сзади наперед).

Поскольку это была школа для юных физико-математических гениев, я совсем не ожидал, что они так охотно откликнутся на мой призыв попеть и поплясать. А гении загорелись – и еще как! Для них я сочинил несколько мюзиклов, хотя само слово «мюзикл» нам тогда еще не было известно.

– Вы теперь больше не сатирик?

– Нет. Хотя нынешнее время тоже подбрасывает темы... В 1995 году даже попробовал написать марш для генерала Грачева. Вышло как-то пресно, и хотя сердито – не смешно. Такие вещи получались тогда, когда сочинять их было опасно. А когда критиковать стало можно – стимул пропал. Впрочем... Из сравнительно недавнего:

Вышла фига из кармана –
тут же рухнули мосты!
А в условиях океана
негде прятаться в кусты.
И дрожу я мелкой мышью –
за себя и за семью.
Ой, что вижу, ой, что слышу,
ой, что сам я говорю!
...И я чувю, как в сторонке
востроглазые кроты
Знай, фиксируют на пленке
наши речи и черты.
Зубы точат, перья тунят,
шьют дела и часу ждут,
И уж если он наступит –
они сразу к нам придут!
И прищучат, и прижучат,
сапогами застучат,
Отовсюду поискочат и повсюду закроют.
Станешь с видом молодецким,
обличишь неправый суд
– и поедешь со Жванецким
отбивать, чего дадут.

– Над чем работаете сейчас?

– Главным образом – над либретто и над прозой. «Страсти по Бумбарашу» идут в «Табакерке», «Золотой польпан Фанфана» – в театре Розовского. Пишу русскоязычное либретто для мюзикла «Собор Парижской Богоматери». За него взялся Московский театр оперетты (Александр Вайнштейн, Владимир Тартаковский и баронесса Катя фон Гечман-Вальдек – команда, которая с успехом реализовала польский проект «Метро»).

Авторы «Нотр-Дама» – Люк Пламандон (текст) и Ришар Коччианте (музыка). Вообще, у Пламандона преобладает «высокий штиль». Простая цыганка Эсмеральда, например, говорит, что «все люди – братья! Пусть рухнут разделяющие их стены!» Я своим ушам не поверил! И понял, что для француза, который знает всю эту романтическую патетику, такое привычно. Но если наша цыганочка запоем по-русски о том, что люди братья...